



С.Д. КРЫЖИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О ХРАМЕ АПОЛЛОНА ДЕЛЬФИНИЯ В ОЛЬВИИ

Архитектура античных городов Северного Причерноморья архаического этапа вплоть до настоящего времени остается наименее изученной по сравнению с более поздними периодами. Это и определило пристальное внимание исследователей к самым, казалось бы, незначительным артефактам, которые могли бы пролить свет на данную проблему. Особенно это относится к строительным остаткам, обнаруженным *in situ*, поскольку в силу их плохой сохранности в абсолютном большинстве случаев реконструкция, даже только планировки культовых сооружений, была невозможна. Поэтому при осуществлении реконструкций сооружений исследователи старались интерпретировать малейшие, имеющиеся в их распоряжении факты. Так появилась одна из наиболее аргументированных на то время реконструкций ольвийского храма Аполлона Дельфиния начала V в. до н.э., вызвавшая пристальный положительный интерес, но со временем и критику специалистов.

Строительные остатки, на основании которых в 1964 г. А.Н. Карасев предложил реконструкцию антового двухколонного храма ионического ордера, посвященного Аполлону Дельфинию¹, были открыты в середине прошлого века экспедицией ЛОИА АН СССР при раскопках восточного теменоса Ольвии. Основанием для реконструкции плана храма послужили остатки двух фундаментов. Один из них (три фрагмента «кф₂») исследователь интерпретировал как фундамент под продольную восточную стену храма, а второй («кф₁») – в качестве фундамента южной стены наоса (рис. 1. 2). Оба фундамента состояли из одного ряда плит. Для реконструкции ордера и фасада послужила находка в нескольких местах теменоса трех фрагментов терракотовой облицовки в виде волюты (рис. 2). По мнению А.Н. Карасева, эта облицовка принадлежала ионической капители храма². Методическая четкость обоснования, а также высокий авторитет А.Н. Карасева как исследователя Ольвии обусловили долгую жизнь этой

реконструкции.

Длительное время она по своим основным параметрам не подвергалась каким-либо сомнениям, уточнениям и дополнениям. Только спустя два десятка лет И.Р. Пичикяном была проведена небольшая корректировка этой реконструкции, касающаяся, главным образом, венчающих частей храма (рис. 1. 1). Вместо отсутствующего в реконструкции А.Н. Карасева фриза был введен пояс дентикул, фронтон увенчала сима милетского типа, несколько видоизменены были базы колонн, а также капители антов³. Однако все это было сделано, исходя лишь из общих соображений относительно стилевых особенностей архитектуры античных городов. Каких-либо дополнительных находок, имеющих непосредственное отношение к этому объекту, за это время не появилось. Таким образом, реконструкция А.Н. Карасева не претерпела принципиальных изменений.

Более существенное критическое замечание появилось только через последующий десяток лет. А.В. Буйских поставила под сомнение возможность использования упомянутой терракотовой волюты в качестве облицовки деревянной основы капители ордера, считая, что эта облицовка принадлежала либо фронтальному антефиксу, либо завершению карниза монументального алтаря⁴. Подобное уточнение стало возможным благодаря относительно большому количеству архитектурной терракоты, накопившемуся в Ольвии за годы, прошедшие после публикации работы Н.Н. Карасева. Аргументация А.В. Буйских достаточно убедительна и, тем самым, делает невозможным использование упомянутой облицовки для реконструкции ордера этого сооружения.

Таким образом, после анализа А.В. Буйских единственное, что осталось от предполагаемого храма, это остатки фрагментов фундамента от двух стен.

И, наконец, в 2002 г. В.П. Яйленко пересмотрел вообще как назначение, так и



планировку данной постройки и предложил свой вариант реконструкции⁵.

Критика В.П. Яйленко в основном базируется на том утверждении, что фрагмент кладки южной стены наоса являлся не кладкой, а основанием под столб. Главным аргументом при этом служит заявление о якобы отсутствующей взаимной перпендикулярности в расположении двух упомянутых кладок. При этом критик ссылается на опубликованный А.Н. Карасевым чертеж⁶ и, тем самым, совершает грубую ошибку.

Дело в том, что на чертеже, на который ссылается В.П. Яйленко, художник издания действительно показал, что стена пронаоса располагается по отношению к продольной стене не под прямым углом⁷ (рис. 3. 1). Однако далее, на двух последующих чертежах, в той же публикации⁸ эта ошибка не повторяется (рис. 3. 2, 3). Уже одно это должно было бы насторожить критика. Главное же заключается в том, что в научном отчете о раскопках этих строительных остатков А.Н. Карасев специально отмечает в тексте и показывает на чертеже, что кладка наоса (η) располагалась под прямым углом к наружной восточной стене (υ)⁹. Таким образом, и у самого исследователя строительных остатков теменоса не возникло каких-либо сомнений в определении данного объекта как стены и стены, расположенной перпендикулярно к восточной стене. В связи с этим нелишне напомнить В.П. Яйленко, что, проводя архитектурный анализ (особенно в сомнительных случаях), как и в эпиграфике, необходимо обращаться к первоисточнику или уж хотя бы к научному отчету о раскопках.

Возвращаясь к интерпретации строительных остатков предполагаемого храма, отмечу, что раскопанные фрагменты фундамента допускают слишком много вариантов их интерпретации и реконструкции. Они могли принадлежать не только храму, но и сокровищнице. Но в этом случае неизвестен тип такой постройки: антовый, простильный или амфипростильный. А если это и был все-таки храм или сокровищница, то не устанавливается точно и ширина его главного фасада¹⁰, а отсюда неизвестно количество колонн. Однако более вероятным представляется, что здесь речь может идти, скорее всего, не о храмовом сооружении, для которого крайне важно не допустить неравномерных просадок стен, а о небольшой постройке типа алтаря.

В пользу этого говорит следующее обстоятельство. Под южным концом фундамента продольной стены находилась более ранняя культовая яма диаметром 2,5 м и глубиной 1,7 м, заполненная «очень рыхлым золистым грунтом»¹¹. В связи с этим древними строителями непосредственно и только под концом фундамента была сделана глиняная трамбовка толщиной всего 0.45 м, которая со временем просела. Иначе говоря, весьма сомнительным представляется, чтобы строители «храма» допустили бы такую крупную техническую ошибку. Столь тонкая, не доведенная до материка трамбовка могла быть сделана, исходя из относительно небольшой предполагаемой нагрузки от алтаря или предалтарной площадки. Учитывая все сказанное, степень достоверности восстановления плана по реконструкции А.Н. Карасева составляет не более 0,5. Отсюда реконструкция даже только фасада, с учетом критики А.В. Буйских, еще меньше.

Таким образом, с сомнениями В.П. Яйленко в том, что это был именно храм, можно согласиться. Но предлагаемый им собственный вариант реконструкции вообще не выдерживает никакой критики.

В.П. Яйленко предлагает на основании тех же двух фундаментов реконструировать стую. В качестве тыльной – восточной – стены «стои» он рассматривает восточный фундамент и полагает, что эта «стоя» открывалась на запад. Возникающую же в этом случае неувязку – наличие перпендикулярной тыльной стене «стои» кладки (по реконструкции А.Н. Карасева – стены пронаоса) – решает с обезоруживающей простотой. Он эту, мешающую его реконструкции стену объявляет не стеной, а, как я отмечал выше, базой под центральный столб «стои». В интерпретации В.П. Яйленко (судя по его чертежу) данная база, якобы, представляла собой в плане квадрат со стороной, равной примерно полутора метрам (рис. 1. 4). Причем подобное восстановление автор ничем не обосновывает и без всяких объяснений просто удваивает ширину сохранившегося в натуре фрагмента фундамента стены пронаоса! В результате предлагается бессмыслица: ни по своим размерам, ни по конструкции подобное сооружение не могло быть базой. Здесь, по реконструкции В.П. Яйленко, около десятка камней сходятся своими краями как раз в центре, где должен стоять опорный столб¹², что



элементарно противоречит логике строительных конструкций. Таким образом, у нас нет совершенно никаких оснований предполагать наличие здесь столба. К этому добавим, что такой тонкий исследователь, как А.Н. Карасев, просто по определению не мог совершить столь грубую ошибку и спутать кладку с базой для столба. А это, в свою очередь, лишает каких-либо, даже хотя бы третьестепенных, доказательств предлагаемой В.П. Яйленко реконструкции местоположения боковых стен «стои» (рис. 1. 3), никаких остатков которых не обнаружено вообще. Следует также подчеркнуть, что и по своей морфологии: размерам, форме и пропорциям, а также размещению в плане теменоса - подобное сооружение не соответствует стоям. Иначе говоря, коэффициент степени достоверности реконструкции этой «стои» находится в бесконечном приближении к нулю.

Подводя общий итог, мы должны констатировать, что сооружение, которому принадлежали упомянутые остатки фундаментов двух стен, ни по определению его категории и типа (храм или не храм, тип планировки), ни по возможному посвящению тому или иному божеству достаточно надежному определению не поддается. Единственное, что здесь можно исключить полностью, это возможность принадлежности этих фундаментов стое, подобной реконструкции В.П. Яйленко. Вместе с тем, мы должны помнить, что именно А.Н. Карасев достаточно убедительно связал эти фрагменты кладок в единое сооружение, а обоснование его реконструкции и сегодня остается образцом методического подхода к решению подобных задач. Имеет право на существование и его гипотеза о том, что это мог быть храм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карасев А.Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. - М.-Л., 1964, с. 49-73.
2. Там же, с. 58 и сл.
3. Пичилян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. - М., 1984, с. 178-182, рис. 68.
4. Буйских А.В. К вопросу о реконструкции храма Аполлона Дельфиния в Ольвии // Тези першої краєзнавчої конференції «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження». - Миколаїв, 1995, с. 41-42.
5. Яйленко В.П. Идентификация и реконструкция зданий Ольвийского теменоса // РА 3. - 2002. с. 46-58.
6. Там же, с. 49.
7. Карасев, Монументальные памятники..., рис. 6.
8. Там же, рис. 16, 18.
9. Карасев А.Н. Отчет о раскопках Ольвийской агоры в 1954 г. // Научный архив ИА НАНУ. Ф.э. 1954/9д., с. 6, табл. II.
10. А.Н. Карасев определил этот размер, исходя из предположения об абсолютной синхронности существования храма и так называемой «ограды священной рощи», располагавшейся к западу от «храма» (Карасев, Монументальные памятники..., с. 56).
11. Карасев, Монументальные памятники..., с. 54.
12. Яйленко, Идентификация и реконструкция зданий..., рис. 4.

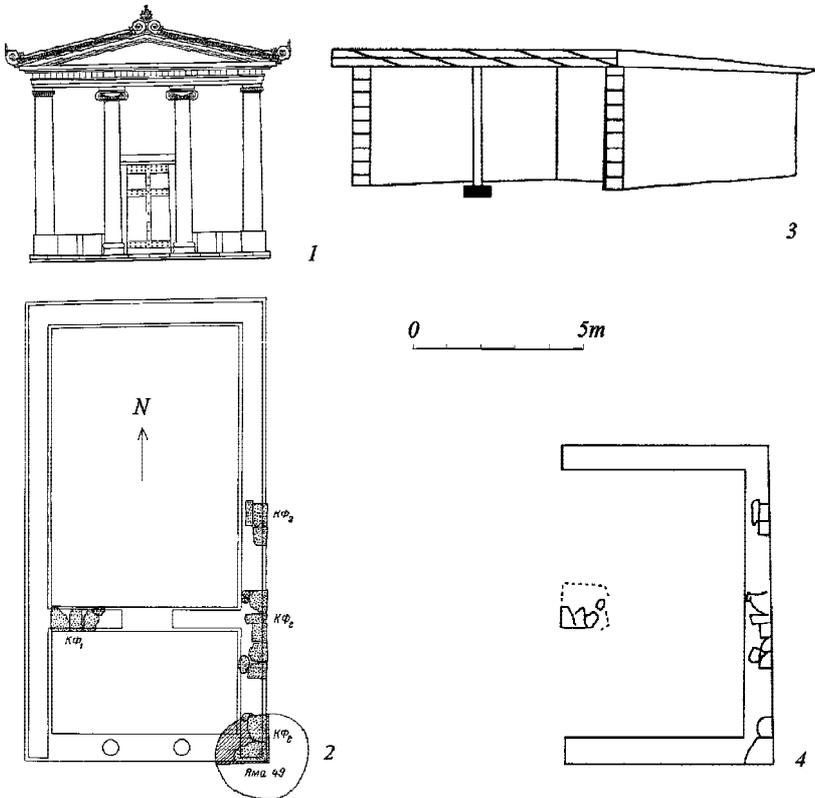


Рис. 1. Храм (?) Аполлона Дельфиния на восточном теменосе Ольвии.

1 – реконструкция главного фасада А.Н.Карасева – И.Р.Пичикяна;
2 – реконструкция плана А.Н.Карасева;
3 – реконструкция общего вида «стои» В.П.Яйленко;
4 – реконструкция плана «стои» В.П.Яйленко.



Рис. 2. Терракотовая волота (Карасев, 1964. Рис. 25,1).

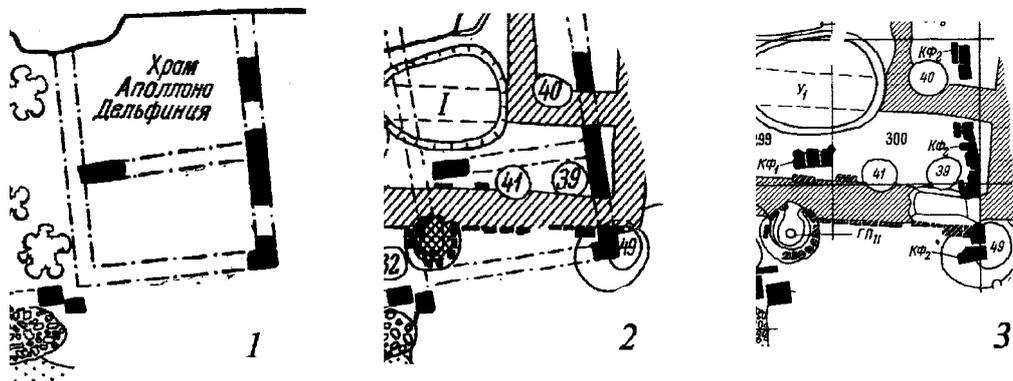


Рис. 3. Схематические планы архаического теменоса в районе храма Аполлона: 1 – рис. 6; 2,3 – рис. 16 и 18 (Карасев, 1964. Рис. 6,16,18).